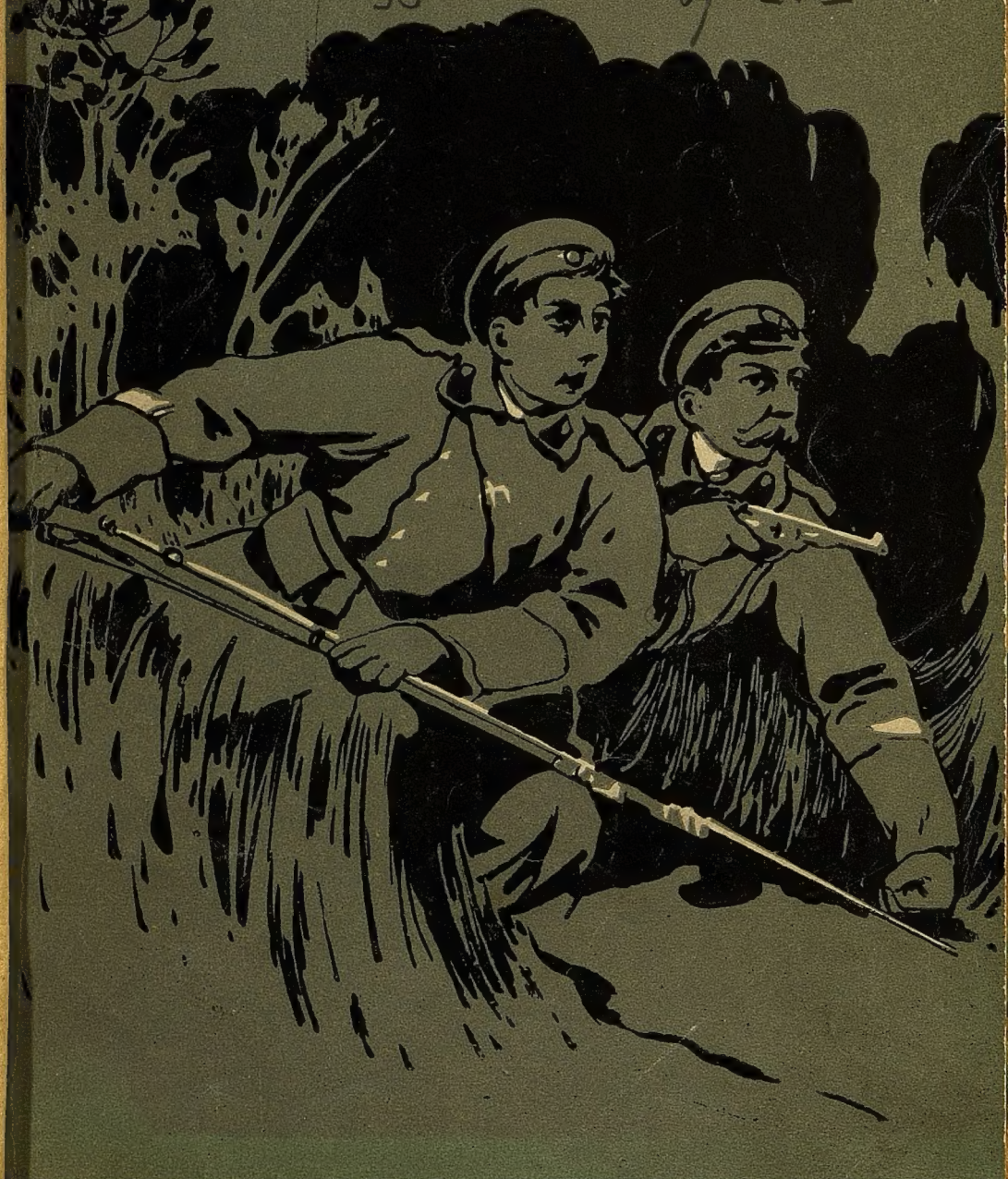
ЛБ4 — 90.

90
44345
ЛБ4 90
Брош. II 34.

ВЪ ПЛѢНУ.



Б4 90

РАЗСКАЗЫ О ВЕЛИКОЙ ВОЙНѢ.

ВЪ ПЛѢНУ

РАЗСКАЗЪ А. УЛЬЯНОВА.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
631254

МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ Т-ВА И. Д. СЫТИНА, ПЯТНИЦКАЯ, СОБСТВ. ДОМЪ.
1915.

ВЪ ПЛѢНУ

(Разсказъ.)

— Кто идетъ?

Раздалось въ ночной тишинѣ, и подъ лучемъ едва выглянувшаго изъ-за густыхъ облаковъ мѣсяца блеснулъ штыкъ ружья постового солдата.

— Свои, на развѣдку!

Тихо отвѣчали ему. И сейчасъ же двѣ сѣрыхъ фигуры припали къ землѣ и поползли впередъ, стараясь держаться въ тѣни кустовъ.

Ночь была темная. Но время отъ времени краешекъ мѣсяца показывался среди тучъ, и тогда вся широкая поляна впереди освѣщалась, а лѣсъ

и кустарникъ слѣва казались черными, какъ уголь.

— О, чортъ!—выругался одинъ изъ пробиравшихся въ тѣни.

— Нишкни, Крюковъ! — осадилъ его унтеръ-офицеръ Ермолаевъ.—Чего ты барахтаешься?

— Въ яму попалъ,—отвѣчалъ рядовой Крюковъ.

Ермолаевъ на четвереньках ползъ на голосъ Крюкова. Мѣсяцъ спрятался, и ночь стала черная, какъ чернила.

— Гдѣ ты тамъ?

— Здѣся—я!—протянулъ громкимъ шопотомъ Крюковъ.

Ермолаевъ добрался до края большой глубокой ямы и опять спросилъ:

— Чего же не вылѣзаешь?

— Ружье вырвалось изъ рукъ. Ну вотъ, нашелъ, слава Богу!—и Крюковъ полѣзъ изъ ямы. Ермолаевъ ему помогъ выбраться, и оба они опять поползли впередъ.

Имъ дано было важное порученіе отъ начальства добыть «языка». То-есть привести плѣннаго нѣмецкаго солдата изъ лежащихъ впереди вражескихъ окоповъ, чтобы узнать отъ него о расположеніи нѣмецкихъ войскъ. Дѣло было трудное, и всякаго послать на него было нельзя. Командиръ

вызвалъ охотниковъ. Желающихъ итти оказалось много, потому что всѣмъ было скучно сидѣть въ окопахъ, въ этихъ земляныхъ, сырыхъ ямахъ, вотъ уже седьмой день и ждать, когда тебя шальная пуля свалитъ. Но изъ всѣхъ желающихъ были выбраны только Ермолаевъ и Крюковъ. Крюковъ,— какъ человѣкъ бывалый, участвовавшій уже въ нѣсколькихъ развѣдкахъ, а Ермолаевъ,—какъ долго жившій на нѣмецкой границѣ и умѣющій говорить по-нѣмецки.

Нѣмецкіе окопы находились больше чѣмъ на тысячу шаговъ отъ русскихъ. Развѣдчики проползли уже почти половину пути благополучно, какъ вдругъ услыхали окрикъ по-нѣмецки:

— Кто тамъ?

Не далеко отъ нихъ заколыхалась черная фигура нѣмецкаго солдата. Развѣдчики приникли къ землѣ, стараясь слиться съ нею, спаяться въ одну массу. Они даже невольно зажмурили глаза и затаили дыханіе.

Нѣмецкій сторожевой солдатъ сдѣлалъ шагъ— другой въ ихъ сторону, нагнулся, но разглядѣть въ темнотѣ ничего не могъ. Для очистки совѣсти ткнулъ онъ туда—сюда штыкомъ въ чернѣющіе передъ нимъ кусты и отошелъ. Нѣсколько минутъ постоялъ вглядываясь въ ночную тьму, потомъ

закутался въ шинель поплотнѣе и прилегъ на землю, крѣпко обнявъ ружье.

— Пополземъ!—шепнулъ Ермолаевъ.

— Вотъ этого хорошо бы сцапать,—сказалъ Крюковъ, намекая на нѣмца.

— Да, какъ же, сцапаешь! Онъ заоретъ благимъ матомъ и пербулгачитъ своихъ. Пополземъ дальше.

Они поползли. Первую цѣпь нѣмецкихъ часовыхъ миновали благополучно, но впереди предстояла еще вторая, болѣе частая.

Поднялся вѣтеръ, засвисталъ въ вершинахъ лѣса.

— Крюковъ!—тихо окликнулъ Ермолаевъ.

— Здѣсь!—отклинулся голосъ товарища изъ темноты.

— На наше счастье вѣтеръ.

— Плохое счастье,—возразилъ Крюковъ:—лицо какъ ножами рѣжетъ.

— Чудакъ! Зато пробираться смѣлѣе можно, за шумомъ вѣтра и насъ не услышатъ,—сказалъ Ермолаевъ.

Они начали двигаться смѣлѣе.

Вдругъ въ сторонѣ что-то звякнуло... И очень близко. Ермолаевъ схватилъ Крюкова за рукавъ. Оба остановились.

— Здѣсь постъ,—шепнулъ Ермолаевъ:—это нѣмецъ прикладомъ о камень задѣлъ. Подождемъ.

Они опять приникли къ землѣ, напряженно прислушиваясь. Только въ вершинахъ оголенныхъ деревьевъ свистѣлъ рѣзкій осенній вѣтеръ, да въ груди у смѣльчаковъ колотилось сердце и отдавалось въ ушахъ, а больше ничего не было слышно.

Поползли опять.

— Слава Богу! вторую цѣпь прошли,—шепталъ Ермолаевъ.

— Да!—вздохнулъ Крюковъ:—теперь ужъ мы въ западнѣ! Какъ-то Богъ поможетъ выбраться отсюда.

— Что, развѣ трусишь? Зачѣмъ же шелъ?—сурово спросилъ унтеръ-офицеръ.

— Богъ съ тобой, Ермолаичъ! не трушу я вовсе, а только чувствуется...—возразилъ Крюковъ.

— То-то чувствуется! Теперь нужно держать ухо востро,—наставительно говорилъ Ермолаевъ:—Каждая промашка жизни будетъ стоить. Мы подходимъ къ самымъ ихъ позиціямъ. Я знаю эти мѣста. Тутъ недалеко рѣчка есть, ее надо въ бродъ перейти.

Проползли еще нѣсколько шаговъ и сразу оба остановились: недалеко отъ нихъ раздалось ворчанье. Черезъ нѣсколько минутъ ворчанье повторилось ближе.

— Если это нѣмецкая развѣдочная собака, тогда мы пропали,—шепнулъ Ермолаевъ на ухо Крюкову.

Въ это время онъ почувствовалъ на своемъ лицѣ чье-то теплое дыханье, и затѣмъ кто-то лизнулъ его въ щеку. Ермолаевъ протянулъ руку, нащупалъ мягкую собачью шерсть и погладилъ ее. Собака еще разъ лизнула его въ лицо и слегка взвизгнула.

— Голодная шельма!—сообразилъ Ермолаевъ, досталъ изъ кармана шинели корку хлѣба и протянулъ собакѣ. Послышалось чавканье съ легкимъ, довольнымъ ворчаньемъ.

— Эге! Это не нѣмецкая собака, а здѣшняя, крестьянская,—сказалъ Ермолаевъ:—здѣсь должно недалеко жилье. Полземъ смѣлѣе. Нѣмецкіе окопы у насъ вправо остались.

Они выбрались изъ кустарника на чистое мѣсто. Стало свѣтлѣе. Впереди обозначился обрывъ. За обрывомъ мелькнулъ огонь догорающаго костра и на мгновеніе слабо освѣтилъ избу стоявшую у берега небольшой рѣчки.

— Вотъ гдѣ мы найдемъ «языка»,—сказалъ Ермолаевъ,—указывая на избу:—теперь мы миновали нѣмецкіе окопы, а за окопами солдаты держутъ себя свободнѣе и меньше остерегаются. Давай перебираться черезъ рѣчку.

Склонъ къ рѣчкѣ поросъ кустарникомъ, и подъ его прикрытіемъ спускаться можно было свободно. Трудно было перебраться незамѣченными черезъ рѣчку.

Солдаты сѣли въ послѣднихъ кустахъ у рѣки, обдумывая переправу.

— Рѣчка-то мелкая, въ бродъ ее легко перейти— говорилъ Ермолаевъ:—да, вѣдь, ползкомъ по водѣ не поползешь. А какъ всталъ во весь ростъ,— непремѣнно замѣтятъ сторожевые.

— Что это сзади насъ шуршитъ?!—насторожился Крюковъ, схватившись за ружье.

Ермолаевъ сдѣлалъ тоже.

Изъ кустовъ показалась мохнатая собачья морда.

— Тьфу ты, окаянная! перепугала какъ,—плюнулъ Крюковъ.

— Напрасно я ее хлѣбомъ-то накормилъ,—сказалъ Ермолаевъ:—Теперь она отъ насъ не отстанетъ. Пошла ты, пропадущая!—и онъ замахнулся прикладомъ.

Собака отбѣжала немного и остановилась, жалобно посматривая на солдатъ и повиливая опущеннымъ хвостомъ.

— Вотъ гадина, еще, пожалуй, обнаружитъ насъ здѣсь, наведетъ на слѣдъ,—сказалъ Крюковъ. Пшла ты!—тихонько крикнулъ онъ и бросилъ въ собаку камнемъ.

Собака увильнула отъ камня, взглянула еще разъ на солдатъ удивленными глазами, повернулась и медленно пошла по берегу у самой воды. Вотъ она дошла до поворота рѣки, гдѣ кусты съ той и съ другой стороны подошли очень близко къ водѣ, и начала перебираться на другую сторону.

— Смотри-ка, товарищъ! вѣдь собака-то идетъ не по водѣ,—сказалъ Ермолаевъ.

— Да. Тамъ должно быть большіе каменья въ рѣкѣ, или клади черезъ нее перекинуты,—сообразилъ Крюковъ.—Пополземъ туда.

Черезъ кустарникъ пробрались они до того мѣста, гдѣ переходила собака, и, дѣйствительно, нашли переброшенными черезъ рѣчку два толстыхъ и очень длинныхъ бревна.

Растянувшись во весь ростъ по бревнамъ, осторожно поползли они на другой берегъ.

— Фу! слава тебѣ Господи!—сказалъ Ермолаевъ, перебравшись и залѣзая опять въ кусты.

Переправа была трудная и нужно было передохнуть передъ дальнѣйшимъ путешествіемъ. Они прилегли за кустами.

— Теперь покурить бы хорошо,—сказалъ Крюковъ.

— Чего еще надумалъ! Тебѣ бы тутъ еще костеръ развести, да кашу сварить,—огрызнулся Ермолаевъ.—Пополземъ-ка дальше. Теперь мы у

врага въ самой пасти, можно сказать, находимся; зѣвать некогда. Да скоро ужъ и утро, какъ бы намъ успѣть назадъ обернуться до свѣта, а то плохо будетъ, какъ разсвѣтъ насъ на виду застанетъ: или убьютъ, или въ плѣнъ возьмутъ.

— Да, ужъ тогда не сносить намъ на плечахъ своихъ головушекъ,—сказалъ Крюковъ.

— Молчи, не каркай!—прикрикнулъ на него Ермолаевъ:—идемъ!

Они начали подвигаться впередъ къ виднѣвшейся на берегу избушкѣ.

Подобравшись совсѣмъ близко къ жилью, развѣдчики разглядѣли сквозь прутья кустовъ длинную черную фигуру нѣмецкаго солдата, лежавшаго у чуть тлѣющаго костра. Солдатъ спалъ, должно быть, очень крѣпко, потому что во снѣ даже разметался. Одна рука у него откинулась въ сторону, ружье изъ нея выпало и откатилось.

Товарищи многозначительно переглянулись. Они сразу поняли другъ друга: нѣмецъ былъ намѣченъ ими въ «языки».

Разглядѣвъ свою жертву хорошенько, Ермолаевъ шепнулъ въ ухо Крюкову:

— Это полякъ, а не нѣмецъ. Я вижу по усамъ. Тѣмъ лучше—его легче будетъ взять въ плѣнъ.

Съ этими словами Ермолаевъ вытянулся по землѣ во весь ростъ и, извиваясь, какъ змѣя,

безшумно поползъ къ откатившемуся отъ спящаго ружью.

Вотъ онъ уже почти дотянулъ свою руку до ружья и только что хотѣлъ еще подвинуться, чтобы схватить его, какъ спящій глубоко вздохнулъ и что-то забормоталъ. Ермолаевъ отдернулъ руку и замеръ. Нѣмецкій солдатъ повернулся на бокъ, затылкомъ къ своимъ врагамъ, поплотнѣе закутался въ шинель и скоро опять захрапѣлъ.

Ермолаевъ схватилъ ружье, переложилъ его къ кустамъ и далъ знакъ рукой Крюкову. Тотъ подползъ къ своему товарищу и подставилъ ухо.

— Я брошусь къ нему на грудь и заткну ротъ платкомъ, шепталъ Ермолаевъ, а ты навались на него всѣмъ тѣломъ и скорѣе вяжи руки. Разъ!.. Два!.. Три!..—скомандовалъ Ермолаевъ.

Оба солдата сразу бросились впередъ и навалились на спящаго.

Борьба была не долгая.

Нѣмецкій солдатъ не успѣлъ опомниться, какъ уже лежалъ неподвижно съ связанными руками и ногами и съ завязаннымъ платкомъ ртомъ, въ который былъ впихнутъ комокъ тряпки. Но онъ все же довольно громко мычалъ носомъ. Ермолаевъ наклонился къ его уху и сказалъ по-нѣмецки:

— Брось мычать! убью! Ты нашъ плѣнникъ, но мы ничего дурного тебѣ не сдѣлаемъ, если будешь слушаться.

Плѣнный замолкъ.

— Крюковъ! бери его за ноги, а я возьму за руки. Надо оттащить его подальше отъ избы,— командовалъ Ермолаевъ.

Недвижимаго, какъ мертвое тѣло, плѣнника понесли осторожно въ кусты. Недалеко отъ перехода черезъ рѣчку положили его на землю. Ему тяжко было дышать, и онъ стоналъ черезъ носъ.

Ермолаевъ припалъ къ его уху и зашепталъ:

— Я развяжу тебѣ ротъ, но если ты только вздумаешь крикнуть,—тутъ тебѣ и смерть!

Плѣнникъ замычалъ и закивалъ головою.

— Стало быть согласенъ,—пояснилъ его мимику Крюковъ:—развяжи ему, Ермолаичъ, ротъ! Надо же съ нимъ договориться.

Ермолаевъ снялъ платокъ и вынулъ изо рта плѣнника комокъ тряпки.

— Фу-у-у!—облегченно вздохнулъ нѣмецкій солдатъ.

— Говори: какой части, какого полка, откуда родомъ и какъ тебя зовутъ?—спросилъ Ермолаевъ по-нѣмецки.

— Третьяго имперскаго полка, родомъ изъ Познани, зовутъ Янъ Балицкій, — отвѣчалъ плѣнникъ.

— Полякъ? Ну, такъ и есть,—радостно воскликнулъ Ермолаевъ.—Слушай, Балицкій!—продолжалъ онъ внушительно:—ты теперь нашъ плѣнникъ, и мы тебя должны предоставить живымъ къ своей части, хочешь или не хочешь, все равно. А будешь упираться, не быть тебѣ живымъ. Такъ и знай!

— Зачѣмъ мнѣ упираться?—сказалъ Янъ Балицкій:—я самъ искалъ случая отдаться въ плѣнъ русскимъ. Съ русскими сражаются противъ нѣмцевъ, мои братья—поляки изъ русской Польши, и я вовсе не хочу убивать ихъ. Развяжите мнѣ ноги, и я пойду за вами охотой, а не поневолѣ.

— Молодчина!—похвалилъ Ермолаевъ Яна и хлопнулъ его по плечу.—Развяжи ему товарищъ, ноги и руки,—сказалъ онъ Крюкову.

— Какъ бы онъ не вздумалъ наутекъ?— нерѣшительно сказалъ Крюковъ:—пусть хоть руки-то останутся связанными.

— Чудакъ человѣкъ! какъ же онъ будетъ по бревну-то черезъ рѣку переползать?—спросилъ Ермолаевъ —Да и не убѣжитъ онъ никуда. Онъ не нѣмецъ, а полякъ, какъ я и раньше думалъ, и радъ радешенекъ, что попался къ русскимъ въ плѣнъ. Здѣсь его родная земля и родные ему люди, русскіе поляки, такъ что жъ ему за неволя противъ нихъ воевать за нѣмцевъ. Понялъ?

— Такъ, такъ,—говорилъ Крюковъ, развязывая веревки на рукахъ и ногахъ плѣнника.

Янъ Балицкій съ наслажденіемъ расправилъ отекшія руки и ноги и потомъ сказалъ:

— Я собирался бѣжать къ вашимъ и высмотрѣлъ удобный переходъ черезъ рѣчку у мельницы. Тамъ меньше нашихъ часовыхъ, сторожевая цѣпь рѣже. А за рѣчкой вдоль лѣса идетъ дорога. Она выведетъ насъ прямо къ вашимъ передовымъ позиціямъ, къ мѣсту стоянки вашихъ войскъ.

Ермолаевъ подумалъ съ минуту.

— А не обманешь, не наведешь на нѣмцевъ?— спросилъ онъ.

— Я уже сказалъ, что собирался бѣжать къ вамъ. Да и какъ обмануть? Если обману,—вы меня перваго застрѣлите,—отвѣчалъ Балицкій.

— Вѣрно,—согласился Ермолаевъ:—ну, маршъ впередъ!

На четвереньках поползли они въ кустахъ вдоль берега. Впереди пробирался Балицкій, за нимъ, съ револьверомъ въ зубахъ, Ермолаевъ, а сзади—Крюковъ.

Дорогою Ермолаевъ передалъ Крюкову свой разговоръ съ полякомъ.

— Смотри, Ермолаичъ, какъ бы онъ не навелъ насъ на нѣмца,—усумнился Крюковъ. Лучше бы прежней дорогой итти.

— Нарочно не наведетъ,—увѣренно сказалъ Ермолаевъ.—Какой ему расчетъ за нѣмцевъ стоять и даже жизнью жертвовать? Вѣдь отъ моего револьвера не увернется, ежели что задумалъ.

Послышался легкій шумъ падающей съ запертой плотины воды.

— Здѣсь мельница, — шепнулъ оборачиваясь Балицкій:—и здѣсь самое опасное мѣсто—сторожевой постъ. Будьте смѣлѣе. На наше счастье еще темнѣе стало; васъ не разглядятъ часовые, если и замѣтятъ. Вы только молчите, а говорить буду я.

Они взошли на плотину, обсаженную старыми ветлами. Тихо, какъ опытные воры, пробирались они за толстыми стволами деревьевъ. Прошли благополучно половину плотины, переползли черезъ

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

шлюзы. За огромной толстой ветлой Балицкій остановился и едва слышно шепнулъ Ермолаеву:

— Дайте мнѣ ружье.

— Зачѣмъ?—съ тревогой спросилъ Ермолаевъ.

— Впереди часовой. Мнѣ придется съ нимъ говорить. Съ ружьемъ удобнѣе,—какъ будто я по дѣламъ службы начальствомъ посланъ—отвѣчалъ Балицкій.

Ни слова не говоря Ермолаевъ передалъ ему ружье.

Ничего не понимая, Крюковъ смотрѣлъ съ изумленіемъ на товарища.

— Что ты дѣлаешь? Теперь онъ насъ безпремѣнно выдастъ,—сказалъ онъ Ермолаеву.

— Такъ надо. Молчи!—отвѣчалъ его товарищъ.

Они двинулись дальше.

Теперь Балицкій шелъ съ ружьемъ на плечѣ, выпрямившись во весь ростъ, какъ будто ни отъ кого не скрываясь. Также свободно слѣдовали за нимъ Ермолаевъ и Крюковъ.

Миновали плотину.

Вдругъ изъ темноты выросла передъ ними темная фигура нѣмецкаго часового.

— Кто тамъ?—окликнулъ онъ.

Балицкій смѣло подошелъ къ нѣмцу и сдѣлалъ ружьемъ на караулъ, а Крюковъ и Ермолаевъ остановились поодаль.

— Третьяго имперскаго полка унтеръ-офицеръ Балицкій съ рядовыми того же полка Шмидтомъ и Бекеромъ на развѣдку,—отчеканилъ Янъ Балицкій.

Часовой отступилъ въ сторону и развѣдчики, звонко отбивая шагъ, прошли мимо него.

Но у часового, очевидно, зародилось какое-то подозрѣніе. Когда они отошли отъ него уже шаговъ двадцать, онъ крикнулъ:

— Стой!

Всѣ остановились.

— Конецъ!—шепнулъ Крюковъ: теперь ужъ не уйти.

— Не каркай!—бросилъ ему со злостью Ермолаевъ.

Балицкій пошелъ навстрѣчу подходившему къ нимъ часовому.

— Пропускъ!—потребовалъ часовой.

Балицкій началъ рыться въ карманахъ шинели и за пазухой, какъ будто ища нужной бумаги. Бумаги, конечно, не нашлось.

— Некогда искать. Дорога каждая минута. Скоро утро,—досадливо сказалъ Балицкій, рѣшительно повернулся и пошелъ впередъ къ ожидавшимъ его Крюкову и Ермолаеву.

— Впередъ!—громко крикнулъ онъ имъ нарочно по-нѣмецки, чтобы слышалъ часовой.

Часовой постоялъ въ нерѣшительности, махнулъ рукой и пошелъ обратно къ плотинѣ.

— Уфъ! гора съ плечъ,—вздохнулъ Балицкій, когда они поднялись на крутой берегъ и пошли лѣсной дорогой. Теперь возьмите отъ меня ружье, мнѣ оно не нужно.

— Я опять вашъ плѣнникъ,—засмѣялся онъ.

— Слава Богу! А я думалъ...—вырвалось у Крюкова, когда онъ принималъ свое ружье, отъ Балицкаго.

— Молчи ужъ!—осадилъ его Ермолаевъ.

Крюковъ такъ и не договорилъ, что онъ думалъ. А думалъ онъ, конечно, что Балицкій ихъ выдастъ и имъ не миновать нѣмецкаго плѣна.

— Теперь можно итти смѣлѣе,—сказалъ Балицкій:—эта дорога выведетъ насъ къ вашей стоянкѣ быстро.

— Утро близко, надо торопиться,—замѣтилъ Ермолаевъ.

Они пошли по краю дороги, стараясь легче ступать и не производить шума своими тяжелыми сапогами.

Вѣтеръ совсѣмъ стихъ. Тучи разсѣялись, и съ неба на путниковъ мигали предразсвѣтнымъ слабымъ блескомъ звѣзды.

Шли молча, и каждый думалъ свою думу.

У Ермолаева осталась въ городѣ мать, которую онъ кормилъ своимъ трудомъ, а теперь безъ него старуха, поди, очень нуждается. Не проходитъ дня, чтобъ онъ о ней не думалъ.

У Крюкова въ деревнѣ была цѣлая семья: жена, дѣти маленькіе, и старики родители. Они положимъ остались не въ нуждѣ. Хозяйство у него исправное, да и урожай нынче былъ не плохой. А все же трудно имъ было справиться безъ него. Ушелъ-то онъ на войну въ самую горячую пору — подъ уборку. «Развѣ только свои деревенскіе помогли», — думаетъ Крюковъ. «Да ужъ не безъ того, что помогли», — успокаивается онъ на этой мысли. Письма съ родины онъ ни одного не получилъ и ничего не знаетъ, что тамъ дѣлается.

Янъ Балицкій былъ одинокъ. На войну онъ пошелъ съ большой неохотой. Не хотѣлось ему драться за нѣмцевъ, да еще противъ своихъ же поляковъ, которыхъ въ русскихъ войскахъ было много. И воевать-то пришлось какъ разъ въ родной Польшѣ—разорять ея села и города. Война была ему противна, и онъ теперь думалъ только о томъ, чтобы поскорѣе добраться до русскихъ и остаться у нихъ въ плѣну.

Дорога круто поворачивала влѣво. Задумавшись о своихъ дѣлахъ, путники не замѣтили до-

носившагося изъ-за поворота дороги неяснаго шума, какъ будто отъ подкрадывающихся шаговъ.

Едва миновали они поворотъ, какъ были окружены со всѣхъ сторонъ нѣмецкими солдатами.

— Стой! Бросай оружіе!—крикнулъ начальникъ нѣмецкаго отряда.

— Предатель!—крикнулъ Крюковъ и бросился съ ружьемъ на плѣнника. Но Янъ Балицкій отскочилъ въ сторону и исчезъ въ лѣсу; а ружье у Крюкова кто-то вышибъ изъ рукъ, и самого его повалили на землю.

Ермолаевъ выстрѣлилъ два раза изъ револьвера въ нѣмцевъ, но промахнулся и сейчасъ же былъ сбитъ съ ногъ ударомъ приклада.

Обоимъ развѣдчикамъ связали руки, заставили подняться и повели назадъ, къ нѣмецкимъ позиціямъ.

— Будь онъ проклятъ этотъ полякъ! это онъ насъ предалъ,—злился Крюковъ,—говорилъ я, что нельзя ему довѣряться. Жаль, не удалось мнѣ его пырнуть.

— А можетъ и не онъ,—возразилъ Ермолаевъ.—Понапрасну бы человѣка загубилъ. Сами мы зазѣвались. Распустили губы и идемъ, какъ по своей деревнѣ, чуть не по срединѣ дороги. Недоставало только пѣсни запѣть. А, чортъ!—со злостью выругался онъ.—Такъ хорошо все шло и

вдругъ, на, поди: почти у самыхъ нашихъ окоповъ зацѣпили, подъ носомъ у своихъ.

Небо совсѣмъ посвѣтлѣло, и звѣзды скрылись. Наступило утро.

— Трахъ-тахъ-тахъ!.. Тра-та-та-тахъ, — раздалось за лѣсомъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ чаще...

— Перестрѣлка началась, — сказалъ Крюковъ.—Ишь какъ жарятъ.

— Бахъ!.. бахъ!.. бахъ!..—забухало со стороны русскихъ словно въ пустую бочку..

— Артиллерія наша взялась за дѣло,—замѣтилъ Ермолаевъ.

— Бахъ!.. бахъ!.. бахъ!..—донеслось съ нѣмецкой стороны.

— И нѣмцы проснулись. Здороваются съ нашими, пошутилъ Крюковъ.

Бой быстро разгорался. Когда Крюкова и Ермолаева провели за нѣмецкіе окопы въ небольшое селеніе, все кругомъ уже гремѣло отъ артиллерійской перестрѣлки, и за канонадой почти не слышно было ружейной стрѣльбы; земля дрожала, и стекла въ избахъ лопались. Въ небѣ то и дѣло вспыхивали желтые огоньки, показывались клубочки дыма и раздавался трескъ. Это разрывались шрапнельные снаряды и осыпали дождемъ пуль и осколковъ сражающихся. Время отъ времени раздава-

лось въ воздухѣ гудѣнье, словно звѣриный вой, и вмѣстѣ съ нимъ проносились тяжелыя бомбы пуда по три вѣсомъ и больше.

— Нѣмецкіе чемоданы полетѣли,—сказалъ Ермолаевъ, показывая на пронесшійся въ воздухѣ огромный снарядъ.

— А имъ навстрѣчу наши телята летятъ. Тоже штучка не легкая,—замѣтилъ Крюковъ, намекая на тяжелыя бомбы русской артиллеріи.

Плѣнниковъ подвели къ избѣ въ концѣ селенія, около которой толпилось много солдатъ и офицеровъ.

— Насъ здѣсь будутъ, должно быть, допрашивать,—сказалъ Ермолаевъ.—Я притворюсь, что ничего по-нѣмецки не понимаю. Пусть допраши-

ваютъ черезъ переводчика. Этакъ ловчѣе будетъ: въ чемъ-нибудь они сами проговорятся. Если спросятъ какой мы части, какого полка, такъ врать нечего. Все равно они знаютъ черезъ своихъ развѣдчиковъ, кто въ боевой линіи у насъ находится. Ну, а насчетъ расположенія нашихъ войскъ ври, не стѣсняйся. Насчетъ числа войскъ тоже врать надо, въ десять разъ больше говори.

Едва успѣли товарищи сговориться въ подробностяхъ, какъ врать поскладнѣе, и чтобы между ними разноголосицы не было, а ихъ уже повели въ избу.

Тамъ было много военнаго народу, а за столомъ передъ раскинутой картой сидѣлъ нѣмецкій полковникъ и что-то отмѣчалъ на ней. Это былъ плотный человѣкъ съ рыжими усами и сѣрыми пронизывающими глазами.

— Господинъ полковникъ, привели русскихъ плѣнниковъ,—доложилъ одинъ изъ офицеровъ.— Подойдите ближе,—сказалъ онъ имъ по-русски.

Плѣнные подошли. Крюковъ смотрѣлъ на нѣмцевъ исподлобья и злился въ душѣ. Ермолаевъ вытянулся, глядѣлъ непринужденно и даже весело «ѣлъ полковника глазами».

Начался допросъ. Допрашивалъ офицеръ по-русски и переводилъ отвѣты на нѣмецкій языкъ. Сначала спрашивали Ермолаева. Онъ отвѣчалъ

бойко, вралъ складно, а когда его думали поймать на чемъ-нибудь, то ловко вывертывался. Беззастѣнчивость и бойкость Ермолаева ободрили и Крюкова. Когда очередь дошла до него, онъ также бойко вралъ о расположеніи нашихъ войскъ, о ихъ численности и о мѣстѣ нахожденія батарей.

Полковникъ все время не спускалъ съ нихъ глазъ и въ заключеніе сказалъ:

— Смотрите! если только вы наврали,—васъ повѣсятъ.

— Никакъ нѣтъ, все истинная правда,—бойко отвѣтилъ Ермолаевъ.

Ихъ хотѣли уже увести, какъ вдругъ офицеръ вспомнилъ что-то и спросилъ:

— А кто былъ съ вами третій?

— Вамъ лучше знать, ваше благородіе,—отвѣчалъ Ермолаевъ.—Это вашъ солдатъ. Онъ присталъ къ намъ въ лѣсу и говорилъ, что хочетъ сдаться въ плѣнъ русскимъ.

— Громъ и молнія! — воскликнулъ полковникъ.—Что ты говоришь вздоръ? Возможно ли, чтобы нѣмецъ самъ захотѣлъ отдаться въ плѣнъ? Обыскать ихъ!—приказалъ онъ,—и держать пока подъ строгимъ карауломъ.

Плѣнниковъ обыскали. Отъ Ермолаева отобрали часы, а отъ Крюкова—кисетъ съ табакомъ и спички. Потомъ вывели ихъ на дворъ и за-

перли въ сараѣ, связавъ имъ руки и приставивъ къ дверямъ часового.

Въ сараѣ была разбросана солома, и Ермолаевъ растянулся на ней. Крюковъ сидѣлъ рядомъ и ругался.

— Вотъ черти окаянные!—говорилъ онъ, смотря на запертыя двери, сквозь щели которыхъ пробивался слабый свѣтъ.—И кисетъ, и спички отобрали. Теперь и покурить нельзя. Всю ночь не курилъ, думалъ—вотъ покурю ужо. Вотъ тебѣ и покурилъ!

— А мнѣ такъ вотъ часовъ жаль,—сказалъ Ермолаевъ,—хорошіе часики были, семь цѣлковыхъ заплатилъ. Ну, да пусть ими нѣмцы подавятся, благо до денегъ не добрались.

— Ой ли? Хорошо, значитъ, припряталъ?—спросилъ Крюковъ.

— Въ воротѣ рубашки у меня зашиты,—отвѣчалъ Ермолаевъ.

— Да куда они теперь, деньги-то?—пренебрежительно сказалъ Крюковъ.—Все равно не сноситъ намъ своей головушки у этихъ толстомордыхъ нѣмецкихъ колбасниковъ.

— Что ты все каркаешь, Крюковъ?—возмутился Ермолаевъ.—Еще мы не умерли пока. Авось и удрать отъ нихъ удастся. Слышишь, какъ наши изъ орудій жарятъ? Земля дрожитъ! Прогонятъ

наши отсюда нѣмца, и мы, дастъ Богъ, изъ неволи вызволимся.

— Хорошо, кабы такъ,—вздохнулъ Крюковъ,— а безъ курева все-таки плохо: подъ ложечкой сосетъ.

— Подъ ложечкой-то и у меня сосетъ, потому что ѣсть смерть хочется,—сказалъ Ермолаевъ.— Давай-ка, товарищъ, попробуемъ лучше уснуть. Во снѣ и про голодъ, и про табакъ забудешь.

Въ это время за стѣной раздался оглушительный взрывъ, и весь сарай затрясся. Со двора послышались крики и стоны.

— Эге! это нашъ снарядъ поблизости разорвало, — сказалъ Ермолаевъ, вскакивая съ соломы.

— Должно-быть, кого-нибудь ранило или убило,—замѣтилъ Крюковъ.—Слышь, какая суматоха на дворѣ поднялась.

Онъ подкатился къ стѣнѣ и припалъ глазомъ къ щели.

— Да, такъ и есть! Двоихъ раненыхъ подняли у самаго крыльца. А вонъ и еще несутъ,— продолжалъ онъ.—А ты говоришь—уснуть? Вотъ тутъ и усни въ такомъ пеклѣ!

— А въ окопахъ спалъ же и во время боя?— замѣтилъ Ермолаевъ.

— То въ окопахъ, на свободѣ, значитъ, и среди своихъ,—возражалъ Крюковъ,—а здѣсь какъ уснешь, сидя у враговъ въ западнѣ?

— Ну, ты какъ знаешь, а я совсѣмъ сморился, спать страсть какъ хочу,—сказалъ Ермолаевъ и зарылся поглубже въ солому.

Крюковъ долго еще сидѣлъ и прислушивался къ гулу орудій.

— Въ скверную кашу мы попали,—думалъ онъ,—какъ-то расхлебаемъ ее. Удрать отъ нѣмцевъ не такъ-то легко: со связанными руками не удерешь. А что дальше будетъ, тоже неизвѣстно. Можетъ еще и повѣсятъ, какъ узнаютъ, что мы съ Ермолаевымъ съ три короба имъ наврали. Э-эхъ! говорилъ я: не надо было этого поляка слушать. Не иначе какъ онъ навелъ насъ на дозоръ.

Ермолаевъ уже крѣпко спалъ, когда, наконецъ, успокоился и Крюковъ и тоже задремалъ подъ громъ русскихъ и нѣмецкихъ пушекъ. Онъ началъ грезить. Ему кажется во снѣ, что это вовсе не пушечная пальба, а настоящій громъ изъ черныхъ густыхъ тучъ, собравшихся надъ его деревней. И будто онъ вмѣстѣ съ своей семьей убираетъ въ полѣ золотистый хлѣбъ и спѣшитъ окончить до дождя послѣднюю полосу.

— Поворачивайся, Агаша! — кричитъ онъ женѣ,—брось съ ребенкомъ возиться. Смотри, какъ бы граду не было.

А громъ все гремитъ и гремитъ. Одинъ только громъ, безъ дождя и града.

— Не къ добру,—говоритъ ему отецъ, работающій рядомъ съ нимъ. — Сухой громъ — быть бѣдѣ.

Крюковъ работаетъ изо всѣхъ силъ, руки и ноги у него ноютъ, поясницу разломило, а работы какъ будто не уменьшается, и громъ все гремитъ и гремитъ.

Вдругъ раздается страшный трескъ. Крюковъ просыпается и сразу не можетъ притти въ себя. Потомъ соображаетъ въ чемъ дѣло:

— Опять поблизости снарядъ разорвало.

Хочетъ онъ приподняться и со стономъ валиться на солому. Поясницу у него, дѣйствительно, разломило, а руки и ноги отекли отъ туго затянутыхъ веревокъ и ноютъ нестерпимо.

— Ермолаичъ!—тихо окликаетъ онъ товарища.

Но тотъ не откликается.

— Ермолаичъ!—кричитъ Крюковъ громче.

Молчаніе.

— О, Господи! ужъ не померъ ли?—со страхомъ думаетъ онъ и употребляетъ невѣроятныя усилія, чтобы подкатиться ближе.

Это ему удается, и онъ плечомъ расталкиваетъ крѣпко спящаго Ермолаева.

— А?.. Что, мама?..—бормочетъ въ просонкахъ Ермолаевъ.

— Какая тебѣ мама? Это я, Крюковъ,—говоритъ его товарищъ.

— А-а!—протягиваетъ недовольнымъ голосомъ Ермолаевъ.—А мнѣ все мать снилась.

— А я думалъ: не померъ ли ты. Не слышно тебя совсѣмъ было. Потому и толкнулъ тебя,—оправдывался Крюковъ.

— Охъ, какъ руки ноютъ, терпѣнья нѣтъ,—сказалъ Ермолаевъ.

— Не говори ужъ! у меня тоже,—подтвердилъ Крюковъ:—Да что же они, такіе-сякіе голодомъ насъ будутъ здѣсь морить, что ли?—возмущался онъ нѣмцами.

— Не до насъ имъ. Слышишь, какъ ихъ съ русскихъ батарей ошпариваютъ?—сказалъ Ермолаевъ.

Бахъ!.. Бахъ!.. Бахъ!.. Дзинь!.. Трахъ—тарахъ!..—гудѣло, звенѣло и трещало въ воздухѣ и, время отъ времени, сливалось въ общій гулъ и вой.

Подошелъ вечеръ. Спустилась тьма. Канонада начала стихать и, наконецъ, смолкли и отдѣльные выстрѣлы.

— Ну и жаркій былъ денекъ сегодня,—сказалъ Ермолаевъ, когда прокатился и смолкъ послѣдній пушечный выстрѣлъ.

— Досталось нѣмцамъ,—замѣтилъ Крюковъ.

— Да и нашихъ не пожалѣли. А должно-быть въ ничью вышло. Селеніе-то это осталось за нѣмцами,—соображалъ Ермолаевъ.

— А можетъ они и ушли ужъ, дьявольскія дѣти,—выругался Крюковъ:—намъ здѣсь ничего не слышно и не видно. Наши можетъ и не знаютъ, что они ушли. А ты тутъ съ голоду помирай. И пить, и ѣсть хочется, и разломило всего. Да хоть бы еще табачокъ былъ!

— Чудакъ ты человѣкъ, Крюковъ!—засмѣялся Ермолаевъ:—ну, на что тебѣ табачокъ, скажи ты мнѣ на милость? Вѣдь у тебя, все равно руки связаны?

— Да все легче бы было, кабы въ карманѣ мой кисетъ съ табакомъ лежалъ, не навсегда же мнѣ руки связали.

— А когда руки будутъ у насъ развязны, такъ и табаку найдемъ,—успокоилъ его Ермолаевъ.

На дворѣ послышался шумъ, что-то очень громко говорили, переругивались, фыркали лошади, гремѣли колеса.

— Ага! нѣмцы-то еще не ушли. Можетъ теперь собираются уходить,—соображалъ Ермолаевъ.

Въ плѣну.

Загремѣлъ засовъ, и двери сарая открылись. Съ фонаремъ въ рукахъ вошли три солдата и офицеръ, тотъ самый, который допрашивалъ плѣнниковъ.

— Вставайте! — крикнулъ онъ, по-русски.

— Ваше благородіе! — рѣшился заговорить Ермолаевъ.

— Что нужно?—кинулъ офицеръ.

— Дозвольте освободить намъ руки. Затекли ужъ очень; нѣтъ силъ терпѣть. Хоть на малую минуточку.

— Развязать!—приказалъ офицеръ:—Если вы вздумаете бѣжать, васъ сейчасъ же застрѣлютъ,— сказалъ онъ плѣнникамъ и вышелъ.

— Уфъ!.. Фу!..—на разные лады вздыхали они, разминая отекшія руки.

— Слава тебѣ, Господи, немножко отходить стали,—говорилъ Крюковъ, размахивая руками.

— Ишь, какъ веревка-то въѣлась,—показалъ Ермолаевъ протянутую голую руку, на который виднѣлся глубокій извилистый желобокъ.

— Да и у меня не лучше... Ахъ, какъ пить-то хочется!—вырвалось у Крюкова;—не такъ ѣсть, какъ пить.

Ермолаевъ потрогалъ за плечо стоявшаго около него нѣмецкаго солдата и показалъ ему пальцемъ на открытый ротъ.

Солдатъ переговорилъ съ своими товарищами, вышелъ и принесъ ведро воды.

Съ жадностью набросились плѣнники на воду. Даже принимались за нее нѣсколько разъ: попьютъ — отдохнутъ и опять попьютъ.

Но какъ только жажда была утолена, голодъ почувствовался еще сильнѣе.

— Какъ бы намъ пріятель поѣсть?—обратился къ нѣмцу, съ ласковой улыбкой, Крюковъ, показалъ на свой ротъ и зажевалъ челюстями.

Нѣмецъ замахнулся прикладомъ ружья и чуть не задѣлъ Крюкова по лицу.

— О, чортъ!—выругался тотъ, отстраняясь отъ нѣмца.

Ермолаевъ растегнулъ воротъ рубашки и снялъ съ шеи крестъ на серебряной цѣпочкѣ. Крестикъ онъ положилъ въ карманъ, а цѣпочку предложилъ одному изъ нѣмецкихъ солдатъ и такъ же, какъ и Крюковъ, показалъ знаками, что они хотятъ ѣсть.

Нѣмецъ взялъ цѣпочку и спряталъ.

— Пропала моя цѣпочка ни за грошъ,—съ сердцемъ пробормоталъ Ермолаевъ.

Но онъ ошибся. Нѣмецъ полѣзъ за пазуху, вынулъ оттуда двѣ ячменныя лепешки и отдалъ Ермолаеву.

Тотъ въ знакъ благодарности закивалъ ему головою и одну лепешку далъ Крюкову.

Они усѣлись на солому и начали грызть жесткія, какъ камень лепешки, запивая ихъ водой изъ ведра.

— Вотъ и вода, да лучше вина,—смѣялся Крюковъ:—мы этакъ съ тобой и полведра незамѣтно усидимъ.

Ермолаевъ не отвѣчалъ на шутку товарища. Онъ прислушивался къ разговору нѣмецкихъ солдатъ.

— Скверное дѣло,—говорилъ рослый угрюмый парень, опираясь на ружье:—опять отъ этихъ русскихъ отступать приходится.

— Да! Залѣзли мы въ эту медвѣжью берлогу, неизвѣстно зачѣмъ. Сколько ужъ крови пролито, а все толчемся на одномъ мѣстѣ: шагъ впередъ, да шагъ назадъ,—замѣтилъ бѣлокурый солдатикъ, на видъ совсѣмъ мальчикъ.

— Нашему императору Вильгельму хочется непремѣнно Варшаву взять,—вмѣшался третій, тотъ самый, который продалъ Ермолаеву лепешки за серебряную цѣпочку.

— Да мало ли что хочется!—возразилъ бѣлокурый:—подошли наши войска близко къ Варшавѣ, да опять пришлось отступать къ своей границѣ.

— Плохо дѣло, совсѣмъ плохо,—сказалъ угрюмый солдатъ:—когда мы отправлялись на войну, такъ императоръ обѣщалъ въ одинъ мѣсяцъ побѣдить французовъ, англичанъ и русскихъ. А теперь

вотъ ужъ сколько мѣсяцевъ прошло, а никого мы не побѣдили, кромѣ маленькой Бельгіи. Да и ту еще не совсѣмъ. Зима подходитъ, труднѣе воевать становится: и холодно, и припасовъ мало, и дороги скверныя.

Послышались у сарая шаги и солдаты смолкли. Вошелъ прежній офицеръ.

— Связать плѣнниковъ по рукамъ, сейчасъ выступаемъ,—сказалъ онъ:—за нихъ вы отвѣчаете мнѣ своей головой. Полковникъ хочетъ ихъ еще разъ допросить на ближайшей остановкѣ.

Плѣнниковъ связали и вывели на дворъ.

Большая часть нѣмецкихъ войскъ изъ деревни уже ушла. Оставался обозъ, который подъ прикрытіемъ или защитой части пѣхоты и кавалеріи долженъ былъ выступить немедленно. По данному сигналу все засуетилось, задвигалось, заскрипѣло и загрохотало. Телѣги, орудія, повозки, люди, лошади—все перемѣшалось въ какую-то неразбериху и барахталось въ глубокой ночной темнотѣ, попадая то въ ухабы, то въ канаву, то въ ямы, вырытыя снарядами.

Къ этой суматохѣ присоединились и плѣнные, окруженные тѣми же тремя солдатами: одинъ шелъ впереди и двое сзади.

— Ну, братъ, Крюковъ,—сказалъ Ермолаевъ:—теперь намъ нужно держать ухо востро. Какъ

только хоть какой-нибудь случай представится— сейчасъ же айда наутекъ. Офицеръ сказалъ, что на слѣдующей остановкѣ насъ опять потянутъ на допросъ къ полковнику. А это знаешь, чѣмъ пахнетъ? Онъ теперь ужъ провѣдалъ, что мы ему много набрехали. Да можетъ быть еще понадѣясь на наши слова, сдѣлалъ какія-нибудь неудачныя распоряженія во время сегодняшняго боя. Тогда ужъ намъ пощады ждать нельзя.

Крюковъ молчалъ и усердно шагалъ за шедшимъ впереди угрюмымъ нѣмецкимъ солдатомъ.

— Трудно отъ нихъ сбѣжать, наконецъ, скакалъ онъ:—развѣ только случай какой поможетъ. А безъ случая не убѣжишь.

— Да вотъ то-то нужно не прозѣвать случая,— повторилъ Ермолаевъ.

Дорога пошла лѣсомъ, и сдѣлалось еще темнѣе. Обозъ то и дѣло останавливался, потому что дорога была адская, и повозки чуть не на каждомъ шагу застревали въ ухабахъ, колеяхъ и канавахъ. Приходилось съ большими усиліями ихъ вытаскивать, а иногда и распрягать измученныхъ лошадей. При этомъ заднія повозки обгоняли переднихъ, и порядокъ слѣдованія перепутывался. Идя все за одною и тою же повозкою, плѣнники со своею стражею очутились почти въ самомъ концѣ обоза.

Такъ прошли нѣсколько верстъ.

Какъ вдругъ сзади въ войскахъ, прикрывавшихъ отступленіе нѣмцевъ раздались выстрѣлы.

— Ага! наши провѣдали про отступленіе и догоняютъ, — сказалъ Ермолаевъ, — плохо теперь нѣмцамъ придется.

— Авось и насъ отобьютъ отъ нихъ,—замѣтилъ Крюковъ.

— Можетъ статься,—согласился Ермолаевъ.

Въ обозѣ начался переполохъ. Погонщики сильнѣе начали нахлестывать лошадей, а конвой насторжился и тѣснѣе прижался къ повозкамъ.

Угрюмый солдатъ досталъ веревку и связалъ плѣнниковъ вмѣстѣ.

— Такъ! это чтобъ мы не разбѣжались въ разныя стороны,—пояснилъ Ермолаевъ.

А выстрѣлы все усиливались, вдругъ среди нихъ раздалось:

— Ура-а-а!..

— Слышишь?—радостно спросилъ Ермолаевъ.

— Слышу, — отвѣчалъ Крюковъ: — это казаки бросились на нѣмцевъ, на ихъ конницу въ аріергардѣ, въ прикрытіи обоза.

— Казаки, казаки! — съ испугомъ повторяли нѣмцы.

А выстрѣлы и крики все приближались. Защищавшія обозъ войска все тѣснѣе жались къ нему и смѣшивались съ конвоемъ. Пули начали

свистать надъ самымъ обозомъ. Появились уже и въ обозѣ раненые.

И вдругъ изъ лѣса съ правой стороны вылетѣла казачья сотня и, сметая на своемъ пути все, врѣзалась въ середину обоза.

Угрюмый нѣмецкій солдатъ крикнулъ что-то своимъ товарищамъ, схватилъ плѣнниковъ за веревку, тѣ сдѣлали то же, и всѣ помчались въ лѣсъ по лѣвую сторону дороги.

— Казаки!.. казаки!.. — продолжали кричать нѣмцы и увлекали за собой плѣнниковъ все дальше и дальше отъ дороги въ глубь лѣса.

Когда измученные плѣнники падали, нѣмцы толкали ихъ прикладами ружей и заставляли вставать и опять итти.

— Вишь, какъ перетрусили казаковъ, — сказалъ Крюковъ, когда плѣннымъ дана была нѣкоторая передышка.

— Да вѣдь они боялись не только за себя, а и за насъ, — сказалъ Ермолаевъ, — имъ офицеръ сказалъ, что за нашу цѣлость они отвѣчаютъ своей головой. Не будь насъ съ ними, они, быть-можетъ, и не побѣжали бы отъ обоза. Мы для нихъ теперь дороже жизни, и можно ручаться, что они не учинятъ съ нами ничего дурного.

Плѣнныхъ подняли и опять погнали въ глубь лѣса. Шли долго. Ужъ пересталъ доноситься и

шумъ битвы съ дороги, прекратились и выстрѣлы, а они все шли.

Совсѣмъ разсвѣло. А угрюмый нѣмецъ увѣренной походкой все шелъ впередъ. Остальные двое покорно за нимъ слѣдовали, подгоняя плѣнниковъ.

Наконецъ остановились на привалъ на небольшой полянѣ.

Нѣмцы усѣлись въ сторонѣ и начали жевать лепешки, посматривая на плѣнниковъ и тихо бесѣдуя. Наконецъ, тотъ, который взялъ у Ермолаева цѣпочку, поднялся, подошелъ къ плѣннымъ и далъ одну лепешку на двоихъ.

Угрюмый нѣмецъ вынулъ изъ кармана небольшую географическую карту и компасъ.

— Вишь ты, дорогу ищетъ, — догадался Ермолаевъ.

— Какъ ищетъ?—спросилъ Крюковъ.

— Да видишь, у него карта въ рукахъ. На ней обозначены всѣ деревни, села, города, рѣки и дороги,—пояснилъ Ермолаевъ.

— Ну?

— Да. А потомъ видишь у него круглую коробочку въ рукахъ? — это компасъ, — пояснялъ Ермолаевъ:— по компасу онъ можетъ опредѣлить сѣверъ, югъ, востокъ и западъ. Съ картой, да съ

компасомъ онъ и дорогу можетъ найти къ тому мѣсту, куда насъ ему приказано предоставить.

— Хитрые эти нѣмцы,—замѣтилъ Крюковъ.

Нѣмцы поднялись и повели плѣнниковъ дальше. Они, очевидно, торопились,—и слѣдующій привалъ былъ сдѣланъ только къ вечеру. Всѣ были страшно утомлены длиннымъ переходомъ по лѣсу безъ дороги. Приходилось перепрыгивать по кочкамъ, продираться сквозь буреломъ, брести по колѣна въ водѣ по болотамъ.

На этотъ разъ самъ угрюмый нѣмецъ далъ плѣнникамъ лепешку, а владѣлецъ цѣпочки Ермолаева дать отказался.

— Должно-быть, насчетъ пищи-то у нихъ жидковато,—сообразилъ Ермолаевъ,—сами тоже не густо ѣдятъ.

Послѣ ужина полегли спать. Но передъ сномъ нѣмцы опять перевязали руки и ноги плѣнниковъ и связали ихъ вмѣстѣ веревкою.

Плохо спалось имъ эту ночь. Было холодно, сыро. Руки и ноги болѣли нестерпимо. Только подъ утро стали забываться несчастные плѣнники тяжелымъ сномъ.

Вдругъ они проснулись отъ страшнаго крика нѣмцевъ и отъ ихъ толчковъ. Ихъ развязали, заставили подняться и тщательно обыскали. Ничего

не найдя, нѣмецкіе солдаты продолжали переругиваться между собой.

Особенно злился и ругался угрюмый нѣмецъ, топалъ ногами и чуть не рвалъ на себѣ волосы.

Изъ ихъ перебранки Ермолаевъ понялъ, что угрюмый нѣмецъ потерялъ компасъ, завернутый въ карту, и теперь не могъ опредѣлить, въ какую сторону итти.

— Можно бы было по солнцу узнать,—сказалъ Ермолаевъ Крюкову.

— Да гдѣ оно солнце-то? Вонъ тучи какія. Небо точно солдатскимъ сукномъ покрыто,—замѣтилъ Крюковъ.

— Вотъ то-то и есть,—согласился Ермолаевъ.

На этотъ разъ плѣнники не получили никакой ѣды. Да и сами нѣмцы съѣли только по половинѣ лепешки.

Угрюмый нѣмецъ настаивалъ, что нужно итти назадъ искать компасъ и карту. Другіе были противъ. Но, въ концѣ-концовъ, согласились и пошли назадъ.

Долго они кружили по лѣсу, но ничего не могли найти. Хотѣли выйти на ту полянку, гдѣ ночевали, и ее не нашли.

Усталые и злые остановились нѣмцы на отдыхъ и доѣли свой послѣдній хлѣбъ.

Плѣнникамъ опять ничего не пришлось. Ихъ морилъ голодъ и, чтобы заглушить его, они жевали мохъ и траву.

Когда пришлось опять итти, куда глаза глядятъ, товарищи угрюмаго нѣмца набрасывались на него чуть не съ кулаками.

— Завелъ насъ въ чортовъ лѣсъ, теперь и выводи самъ,—кричали они.—Лучше бы намъ къ казакамъ въ плѣнъ попасть, чѣмъ погибать здѣсь отъ голода и холода, въ этомъ дьявольскомъ русскомъ лѣсу!

Угрюмый нѣмецъ шагалъ впередъ по кочкамъ и мхамъ, съ остервенѣніемъ пробивая себѣ дорогу черезъ буреломъ, и ничего не отвѣчалъ обозленнымъ товарищамъ. Онъ шелъ безъ всякой цѣли все прямо и прямо, въ надеждѣ, что когда-нибудь да кончится же этотъ проклятый безконечный лѣсъ.

Но прошелъ день, а лѣсъ не кончался. Пошелъ дождь съ холоднымъ вѣтромъ.

Первымъ выбился изъ силъ бѣлокурый нѣмецкій солдатикъ, упалъ на землю, зарыдалъ и закричалъ:

— Не пойду дальше, хоть убейте!

Пришлось остановиться и ночевать подъ дождемъ.

Набрали хворосту, развели большой костеръ и кое-какъ согрѣлись. Угрюмый нѣмецъ раскурилъ большую трубку. Трубка переходила изъ рукъ въ руки.

Голодный Крюковъ смотрѣлъ на нѣмцевъ, глоталъ слюни, сплевывалъ и ругался:

— Проклятые! хоть бы не на глазахъ курили-то.

— Погоди, Крюковъ, покуримъ и мы, — утѣшалъ Ермолаевъ, пережевывая отъ голода сѣрый мохъ.

— Гдѣ ужъ теперь покурить!—возражалъ Крюковъ,—отсюда и ногъ не уволочешь. Убьютъ они насъ напослѣдокъ. Со зла убьютъ, потому что и имъ погибать приходится.

— Не убьютъ, Крюковъ, а еще въ ножки намъ поклонятся. Попомни мое слово. Потерпи денекъ-другой, — уговаривалъ товарища Ермолаевъ.

— Или ты надумалъ что? — съ любопытствомъ спросилъ Крюковъ.

— Надумалъ, — отвѣчалъ Ермолаевъ, — скоро самъ узнаешь, а пока потерпи. Только бы не наткнуться намъ на какое-нибудь занятое нѣмцами жилье или на дорогу къ ихъ позиціямъ, а то все хорошо будетъ.

На другой день опять пошли. Бѣлокурый нѣмецъ подкрѣпился сномъ и покорно шелъ за товарищами. Но силы ихъ все больше и больше слабѣли, и они чаще дѣлали привалы. Отъ голода нѣмцы также жевали траву, мохъ и сосновую кору.

Прошелъ еще день. Съ бѣлокурымъ солдатомъ сдѣлались судороги и тошнота. Дальше итти онъ не могъ. Ослабѣлъ и солдатъ, получившій отъ Ермолаева цѣпочку. Крѣпче всѣхъ былъ угрюмый нѣмецъ и досадовалъ, что нельзя итти дальше.

Плѣнники чувствовали большую слабость, но крѣпились и духомъ не падали.

— Хоть бы къ русскимъ въ плѣнъ попасть!— воскликнулъ страдальческимъ голосомъ бѣлокурый.

— Я бы согласился не только къ русскимъ, а къ самимъ чертямъ въ плѣнъ, лишь бы выбраться изъ этого заколдованнаго лѣса, — сказалъ его товарищъ.

А угрюмый нѣмецъ молчалъ и упорно смотрѣлъ на огонь.

— Ну, теперь пришелъ и на нашу улицу праздникъ,—весело сказалъ Ермолаевъ Крюкову,— я теперь съ нѣмцами по-нѣмецки буду разговаривать.

— Желаете меня выслушать? — обратился онъ къ нѣмцамъ.

Всѣ трое съ удивленіемъ повернули къ нему головы.

— Ты говоришь по-нѣмецки?—спросилъ угрюмый нѣмецъ.

— Да, я говорю по-нѣмецки, — отвѣчалъ Ермолаевъ.

— Почему же ты не сказалъ этого, когда тебя допрашивали?—мрачно спросилъ нѣмецъ.

— Потому что меня приняли бы за шпіона и повѣсили бы,—отвѣчалъ Ермолаевъ.

— Га! тебя и теперь повѣсятъ.

— Теперь меня вѣшать некому, — увѣренно сказалъ Ермолаевъ, — если вздумаете вѣшать вы, то умрете здѣсь голодной смертью. А я могу васъ вывести отсюда на дорогу и спасти отъ смерти, такъ зачѣмъ же вамъ меня вѣшать?

— Ты выведешь на дорогу? — съ сомнѣніемъ спросилъ угрюмый нѣмецъ.

— Да, я, — подтвердилъ Ермолаевъ, — только выведу, конечно, уже не къ вашимъ, а къ своимъ позиціямъ. И плѣнниками будемъ ужъ не мы, а вы.

— Въ плѣнъ къ русскимъ? Никогда! Лучше смерть,—воскликнулъ угрюмый нѣмецъ.

Другіе нѣмцы мрачно молчали и, очевидно, вовсе не желали поддерживать своего товарища.

Наконецъ, заговорилъ тотъ, у котораго была цѣпочка Ермолаева.

— Знаешь что, Михель?— обратился онъ къ угрюмому нѣмцу:—ты можешь отвѣчать только за себя. А я готовъ отдаться въ плѣнъ русскимъ, лишь бы избавиться отъ мучительной голодной смерти.

— Я тоже! — воскликнулъ бѣлокурый; — довольно жестокой войны! Война безъ побѣдъ хуже плѣна.

Угрюмый нѣмецъ молчалъ.

— Ты можешь оставаться здѣсь и умирать съ голоду во славу Вильгельма, а мы уйдемъ къ русскимъ,—продолжалъ бѣлокурый.—Идемъ, Іоганъ, обратился онъ къ нѣмцу съ ермолаевской цѣпочкой.

Они оба поднялись.

— Я согласенъ,—процѣдилъ сквозь зубы Михель и тоже всталъ:—веди насъ!—обратился онъ къ Ермолаеву.

— Развяжите насъ и отдайте ваше оружіе,— сказалъ Ермолаевъ:—вы будете теперь нашими военноплѣнными. Только съ этимъ условіемъ я поведу васъ.

Бѣлокурый нѣмецъ и Іоганъ сейчасъ же развязали обоихъ плѣнниковъ и отдали имъ свои

Въ плѣну.

ружья. А угрюмый Михель скрежеталъ въ это время зубами, и кричалъ имъ:

— Что вы дѣлаете, безумцы? Плѣнники теперь убьютъ васъ, и этимъ все кончится.

— Мы безоружныхъ не убиваемъ,—возразилъ Ермолаевъ. А тебѣ я предлагаю положить оружіе и сдаться въ плѣнъ, иначе будетъ плохо.

Ермолаевъ и Крюковъ прицѣлились въ Михеля.

Тотъ хотѣлъ схватить свое ружье, но оно стояло прислоненнымъ къ дереву ближе къ Іогану, который поспѣшилъ взять его и передать Ермолаеву.

— Теперь я обезоруженъ и сдаюсь,—сказалъ со вздохомъ угрюмый Михель.

— Ну вотъ, давно бы такъ!—сказалъ Ермолаевъ: а то только время напрасно уходитъ. Крюковъ!—обратился онъ къ изумленному товарищу: свяжи нѣмцамъ руки!

Нѣмцы безпрекословно дали связать себя, и даже Михель больше не протестовалъ..

— Теперь идите за мной, скомандовалъ Ермолаевъ:—а ты, Крюковъ, сзади всѣхъ ступай съ ружьями.

Еще день не успѣлъ угаснуть, какъ Ермолаевъ вывелъ своихъ плѣнниковъ на дорогу въ деревню, которую покинули нѣмцы, и которая теперь была занята русскими войсками.

Михель не могъ удержаться отъ восклицанія:

— Боже мой! Какъ ты нашелъ эту дорогу?

— Я природный охотникъ, Михель, и въ лѣсу чуть не выросъ,—пояснилъ Ермолаевъ:—когда мы шли лѣсомъ, я примѣчалъ направленіе и замѣчалъ каждое выдающееся дерево, каждую тропинку и поворотъ. А когда ты потерялъ компасъ, такъ ты все время кружилъ на одномъ мѣстѣ и никогда бы не вышелъ изъ лѣса.

Когда они подходили къ деревнѣ, имъ встрѣтилось нѣсколько солдатъ ихъ же полка.

— Смотри-ка, — сказалъ одинъ:—никакъ это Ермолаевъ и Крюковъ?

— Вѣрно!

— Что за чудеса! Изъ мертвыхъ возстали и плѣнныхъ ведутъ!

Полковые товарищи встрѣтили возвратившихся изъ плѣна громовымъ ура. А командиръ сейчасъ потребовалъ ихъ къ себѣ, внимательно выслушалъ ихъ докладъ и представилъ къ наградѣ.

— Ну, братцы, спасибо!—сказалъ онъ:—спасибо вамъ и за «языкъ». Янъ Балицкій оказалъ намъ большую услугу и только благодаря его свѣдѣніямъ о расположеніи непріятельскихъ войскъ, удалось намъ сбить противника съ его позицій.

— Вотъ видишь?—сказалъ Ермолаевъ Крюкову, когда они возвращались отъ командира;—я

говорилъ, что не Балицкій насъ предалъ. Когда насъ захватили нѣмцы, онъ бѣжалъ, прямо въ нашъ лагерь, благополучно добрался и отдался въ плѣнъ.

— Да. А я то, грѣшнымъ дѣломъ, чуть не закололъ его, бѣднягу. Ну, ладно же, что такъ вышло,—сказалъ Крюковъ.

А. Ульяновъ.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Цѣна 20 коп.